

Вера Колозякова

УЮТНЫЙ РОМАН

Муж в обмен
на счастье

О мечте, о любви, о судьбе

Вера Колочкова

Муж в обмен на счастье

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Колочкова В. А.

Муж в обмен на счастье / В. А. Колочкова — «Эксмо»,
2018 — (О мечте, о любви, о судьбе)

ISBN 978-5-04-091019-9

Майя любила Димку всю жизнь. Но наивность – враг счастья, а потому женой Димки стала лучшая подруга Майи – Дина. Стесняясь и презирая себя, Майя начала тайный роман с мужем подруги... Дина должна была страдать, но торжествовала: она знала об измене с первого дня. Ей нравилось, что оба мучаются. Даже замужество Майи не исправило ее положения – она продолжала любить Димку. Что же еще сделать, чтобы больше досадить счастливой страдальце, после свадьбы ставшей еще и богачкой? И Дина придумала: она написала письмо законному супругу Майи...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091019-9

© Колочкова В. А., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Дина	6
Майя	10
Дина	23
Майя	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Вера Колочкова

Муж в обмен на счастье

© Колочкова В., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Дина

– Какой ты подарок хочешь на день рождения? Ты мне сама скажи, а то притащу какую-нибудь ерундовину бесполезную. Чего бы тебе хотелось?

– Да не знаю я! – выдохнула в трубку Дина и закатила глаза, изобразив обиженное недовольство подругой. Все-таки хорошая штука – телефон. Можно говорить одно, а на лице изображать совершенно другое. Истинное отношение к собеседнику и обсуждаемой проблеме. Никто тебя не видит, только слышит твой голос. А голос... Голос у нее по природе такой! Да, грубоватый немножко, так что ж с того. Майка знает, какой у нее бывает голос. Привыкла уже. И не обижается. Как и положено подруге.

Вот интересно – как так получилось, что до сих пор все вокруг считают их подругами? А самое забавное, что и они себя подругами считают. Но зачем, почему? Вроде как ни Майке, ни Дине эта дружба особого удовольствия не доставляет. Или это женский душевный мазохизм такой? Для Дины уж точно мазохизм – порочная забава, яркий стервозный мазок в тоскливых буднях, чтоб совсем от скуки не сдохнуть. Но Майке-то это зачем?

– А может, вместе по магазинам прогуляемся, а, Дин? – предложила Майка. – Сама и выберешь чего-нибудь...

– Не знаю. Посмотрим. Да и вообще – до дня рождения еще далеко...

– Ну, ты пока подумай, чего бы тебе хотелось, ладно?

– Подумаю, подумаю... – недовольно буркнула в трубку Дина. – Все, пока. У меня на кухне картошка горит. До связи...

Брякнув трубку на старый, давно отслуживший свой век аппарат городского телефона, она тут же спохватилась. Снова ее сняла и положила обратно совсем другим жестом – аккуратно и как будто извиняясь. Потому что одряхлевшее средство связи могло разобидеться и замолчать навеки. И без того оно с трудом переносило на своем хрупком пластмассовом тельце оскорбительную синюю перевязочку из изоленты. Могло запросто взять и закапризничать, уйти в глухую молчанку. Пятнадцать лет назад крутым еще было, последним, можно сказать, писком телефонной моды, а теперь чего – теперь капризничает, то и дело умирает и знать не желает, что у хозяев новый телефонный аппарат не входит в список первоочередных покупок...

Да уж, пятнадцать лет назад все в этом доме было по высшему разряду. Очень уютный был дом – однокомнатное гнездышко для молодоженов. И «стенка» вам тут итальянская, и ковер на полу иранский, и сантехника финская, и люстра супер-пупер с висюльками... О-го-го как тут было! Это потом время пошло-поехало, как включенная на быструю перемотку кассета, и безжалостно переварило в себе прежние представления о квартирном уюте и благополучии, и выплюнуло весь этот «шик» на помойку, заменив его нахлынувшей поначалу волной одинаковых евроремонтов, а потом уже и другими всякими модернами да стилями. Как теперь за этими стилями угнаться-то? Никак и не угнаться. Хотя, если бы папа свое хлебное чиновничье место не потерял... Если бы Дина замуж так по-дурацки не выскочила...

Будь оно проклято, это сослагательное наклонение! Если бы да кабы! Чего теперь на прошлое оглядываться? Все равно ничего изменить нельзя. Вот он, твой дом. Вот он, твой быт. Хрупкий аппарат «Панасоник» с синей ленточкой да протертый иранский ковер под ногами. А на кухне – старый холодильник. А в холодильнике – убогие коровьи косточки под названием «суповой набор» вместо хорошего куска говядины. И сыр плавленый. И колбаса с белковым наполнителем. И кофе растворимый самого дешевого сорта... Да еще эта Майка пристала: чего подарить, чего подарить! Ничего ей не надо дарить! Ни один подарок эту жизнь принципиально уже не изменит, даже самый дорогой, изысканный...

Из кухни и в самом деле потянуло горелым. А может, Дине просто показалось? Может, до такой степени дух жарящейся на дешевом масле картошки осточертел, что горелым кажется.

Бедняцкий деликатес – жареная картошка. И вид у Дины в большом зеркале в прихожей тоже бедняцкий. Не в смысле одежды, а в смысле рыхлого тела, закармливаемого сытной углеводистой едой. Потому что у богатых теток таких противных брюшек не бывает. У них, у богатых, даже после пятой беременности во всех местах подтянуто. А она как родила год назад второго ребенка, так и живет с этим рваным пузом, нагло выпирающим из любой более-менее модной одежды. Можно было, конечно, Ксеньку и не рожать, можно было себя побережь... Но опять же вопрос: для кого себя беречь-то? Для Димки, что ли? Нет уж, обойдется! Пусть теперь кормит все семейство как хочет...

А картошка действительно чуть пригорела. Не получилось из нее на сей раз деликатеса-фри. Попортили всю жареную красоту черные обуглившиеся вкрапления. Придется зеленому маскировать, придавать товарно-съедобный вид... Уж в чем в чем, а в «придании вида» она за эти годы ой как насобачилась. Только и делала, что «вид придавала», все бедность да убогость старалась хоть чем-то прикрыть. То занавески модные оборчато-пышные на окна повесит, то картинки на стены приткнет, то столешницу потертую в клеенку укатает... Хотя чем ее, если честно, прикроешь, эту бедность? Вон она, из всех углов лезет! Плита допотопная, холодильник старый, пол выложен зелено-белой плиточкой... Ни у кого уже такой плиточки на кухне нету! А этот гарнитур кухонный! Мечта хозяек времен развитого социализма! Четыре навесных белых шкафа, два стола да узкий пенал, притулившийся сбоку. Еще и громоздкая кофеварка стоит, красуется памятником. Чего она тут стоит вообще? Можно подумать, у них в доме хороший кофе водится... Надо вообще ее с глаз долой убрать, чтоб не раздражала...

Господи, как же папа тогда, пятнадцать лет назад, гордился, что такую жизнь красивую дочери обустроил! Ему по тем временам это раз плюнуть было – и квартиру «сделать», и всю эту «красоту» по благу, то есть по старым и очень приемлемым ценам добыть. Кто ж знал тогда, что слово «блат» доживает последние свои денечки, что исчезнет вскорости из лексикона как понятие, что все это можно будет пойти и купить спокойно, были бы деньги... Не знал папа, не прочувствовал нужного момента. Другие прочувствовали, а он – нет. Вот и остался за бортом благополучия. Живут сейчас с мамой на жалкую «муниципальную» пенсию. Хорошо, хоть дачу построить успел. А то бы и без картошки сидели...

Да, тогда все красиво было, конечно. Свадьба, кольца, машина, на тарелочке с голубой каемочкой – ключи от квартиры. А главное – Димка рядом. Жених. Красавец. Правда, мама сразу против Димки настроена была, говорила – с мужикой красотой далеко не уедешь. Одни, мол, от этой красоты неприятности семейные случаются. И себя в пример приводила – уж она-то вроде сумела разобраться по молодости, за кого следует замуж выходить... Но разве до маминых настроений ей тогда было? Дина ж победительницей себя чувствовала, держала в руке Димкину руку, как дурная бегунья-спринтерша финишную ленточку. Радовалась, что Майку на повороте обошла. Вот же дура была, блин... Нашла с кем соревноваться – с Майкой Дубровкиной! Чего там с ней соревноваться-то было? Замухрышка дылдообразная...

Ну да. Майка любила Димку чуть ли не с первого класса. Если действительно дети в таком возрасте любить умеют, то да, Майка точно любила. Замирала, млела, чуть в обморок не падала. Ее даже и в классе не дразнили – все по привычке как-то к тому обстоятельству, что Майка Дубровкина любит Димку Ненашева. И Димка тоже привык. Позволял себя любить, как барин какой. И домашние задания аккуратно у Дубровкиной списывал, и контрольные ей подсовывал, и школьные завтраки съедал... А к восьмому классу вроде как и задружил даже с Майкой. Вроде как все по плану. Если любит – так отчего же нет?

Этой дружбы Дина стерпеть уже не смогла. Она должна была, обязана была обойти Майку на повороте! Еще чего не хватало – чтоб эта замухрышка себе такого парня оторвала. Ну да, Майка и тогда уже ей подругой была. Это конечно. Ну и что? Да на нем, на здоровом соперничестве, между прочим, вся женская дружба и держится! Все, все соперничают! Сами себе

сказки про душевное взаимопонимание рассказывают, а в подоплёке – одно только соперничество. Просто никто в этом никогда не признается. Даже самому себе. Смелости не хватает. Хотя чего тут особенного – жизнь есть жизнь... Вот и у них с Майкой такая жизнь была: снаружи дружба нежная, а внутри – одно сплошное соперничество.

Хотя, если честно, соперничать с Майкой немного стыдно было. Слишком уж в разных они весовых категориях числились. Вернее – в социальных. Она, Дина, единственная дочка обеспеченных родителей, дом – полная чаша, ни в чем отказу нет, и Майка – старшая дочь в многодетной семье. С пятнадцати лет безотцовщина. Отец в аварии на заводе погиб. Мать, чтобы прокормить всю ораву, ломалась на трех работах, и Майка вечно куда-то за нее ходила полы мыть... Скрывала, правда. И от Димки скрывала, и от нее тоже. Вроде как пожалеть ее надо было по-человечески, а вот поди ж ты – не было у нее к Майке никакой жалости! Наоборот! Чем Майке хуже жилось, тем больше хотелось ей продемонстрировать, насколько она, подруга Дина, лучше ее во всех отношениях – и по уму, и по красоте тоже. Очень хотелось, чтоб горел в Майкиных карих, глубоко посаженных глазах огонек искреннего ею, подругой Диной, плебейского восхищения. У других же горел! А Майка что, лучше других? Нет, она восхищалась Диной, конечно же. И платьями красивыми на школьных вечерах восхищалась, и прической только-только из парикмахерской, и первым в классе по тогдашней моде пейджером, но... как-то неубедительно, что ли, восхищалась... Искренне, конечно, но без плебейства. Никак не хотела понять Майка своего места в Дининой жизни. Что ж, пришлось учить ее, наказывать самым дорогим для нее, самым святым. Димкой то есть.

За Димку Дина взялась тогда решительно, по всем фронтам наступала, как делают настоящие победители. Не хочешь – заставим, избегаешь – догоним, не веришь – поплачем! Деловито – Димку Ненашева обыграть... Это сейчас она понимает, что весь ее пыл девичий, можно сказать, в дым ушел, а тогда... Тогда такой азарт был! Димка-то с выбором дамы сердца не торопился. Более того – после одиннадцатого класса сразу в армию загремел. Отец его, подполковник, царствие ему небесное, на этой армии настоял. Все родители в институты своих детей погнали, а этот – в армию... А они с Майкой, стало быть, ждать его остались, как две верные подруги. Ждать вместе – тоже соперничество, между прочим! Майка-то надеялась, что он из армии к ней вернется... Такие письма ему туда писала! Не любовные, конечно, но душевные – прямо слеза прошибала. А она, Дина, и тут Майку на повороте обошла! Взяла и съездила к нему в армию, назвавшись невестой. Димка, конечно, ее поступок оценил...

Нет, нельзя сказать, что Димку она к себе приспособила для того только, чтоб Майке насолить. Он ей очень нравился, конечно. А кому он тогда не нравился, красавец Димка Ненашев? Он всем нравился. Патлатый блондин, высокий, улыбчивый, на гитаре играл, песни пел, как бог... Милый такой мальчик Харатьян местного разлива. А что там, за этим Харатьяном с гитарой да с песнями, прячется – дело было уже десятое. Как впоследствии оказалось, ничего там и не прячется. Пустота одна. Ноль без палочки. Куда его только потом отец ни пристраивал – нигде не пригодился. Ни богу свечка, ни черту кочерга. И даже образование высшее заочное, на закрытых профессорских глазах да ушах по благу полученное, тоже не помогло. Ничего из Димки не получилось. Так. Ерунда. Менеджер на макаронной фабрике. Нет, правда на макаронной! Как в насмешку! Надоест, мол, картошка, так и на макароны, дорогая жена, перейдешь... Тоже бедняцкая еда, между прочим. И что самое обидное – даже сказать ему ничего такого нельзя! Сердится не на шутку, прямо с полуоборота заводится! И все время у него песня одна: не хочу, мол, на «дядю» работать. Вроде как было бы у него свое дело, вот уж тогда бы он... Чего тут скажешь? Ничего и не скажешь. Классическая отмазка для неудачника – этот мифический «дядя», выжимающий из Димки все соки, вот и все...

Майка на их свадьбе сидела как отмороженная. Раньше, стоило Димке ей на глаза показаться, растекалась вся карамелью, а тут застыла каменным изваянием, ни одной эмоции не выдала. Заморозилась вся карамель. Ни смеха, ни слез. А потом, когда гости танцевать начали,

вообще под шумок смылась. По-английски. Увидели они ее с Димкой через год только – сразу после их свадьбы Майка в Питер укатила. Замуж там выскочила за Лёньку Гофмана, старого своего школьного воздыхателя. Он там, в Питере, в университете учился, комнатку в подвальчике на Невском снимал. Ну, и писал ей из этого подвальчика письма всякие трогательные. Дина одно из этих писем даже сама прочитала – было дело. Смешно так читать его было! На пяти страницах – и все про любовь. А в начале и в конце – про замуж. Странно даже, как Майка на эту авантюру согласилась. Видно, совсем безнадега сердечная прижала. Никто от нее такой решительности не ожидал... Встала утром, покидала шмотки в чемоданчик и укатила. И мать бросила, и всех своих братьев-сестер малолетних. От крайнего отчаяния, стало быть.

А потом с этим Лёнькой Гофманом – вообще... Такая история вышла! Как в кино. Даже круче, чем в кино. Хотя туда, в кино, скромного забитого Лёньку и не взяли бы ни при каких раскладах... Вот Димку бы взяли, это точно. А этого... Ну вот кто он был? Скромный очкарик-ботаник? Сидел себе на последней парте, таращился на Майку да воздыхал втихомолку. Правда, параллельно с воздыханиями успел-таки золотую медаль отхватить да в Питерский университет поступить на бюджетное отделение, но дело-то как раз и не в этой медали оказалось. А оказалось оно в том, что выискался у Лёньки в Германии богатый дядюшка. Кто ж мог предполагать такое! Никто ж не знал, что Лёня с матерью последние годы поиском немецких родственников вовсю занимались... И Майка, главное, тоже не знала! Думала, к Лёне в Питер в съемную комнатушку погостить едет. А тут тебе – на! Тут разысканный дядюшка Хельмут со своими добротными немецкими инвестициями с неба свалился! Нашелся-таки у мамы Гофман двоюродный братец, да еще какой! И фирму свою в Питере открыл, и племянника с ног до головы облизал, и Майку с ним заодно, и даже матери Майкиной облегчение во вдовьих ее многолетних трудностях выпало. В общем, полный жизненный фильдеперс образовался. Кажется – живи да радуйся. Другая бы, может, и радовалась, а Майка... Нет, это надо ее подругу знать! Приехала из своего Питера через год, вся из себя замужняя: счастливая, одетая-обутая да модельно-модная, пришла к Дине с Димкой в гости – и не узнаешь ее. Вроде как посмотри на меня, Динка, – еще неизвестно, кто кого на повороте обошел... А потом поплялилась на Димку, поплялилась... и опять поплыла! Вот, ей-богу, прямо на глазах поплыла! Вместе со всем своим благополучным фильдеперсом. Растаяла карамелью. И опять, выходит, она, Дина, в победительницах оказалась. Хотя и в сильно беременных, но все равно – в победительницах. Конечно, Димка тогда на Майку сразу свой глаз положил, это заметно было, но все равно Дина это соревнование уже выиграла! Потому что хоть заплывайся ты в старых чувствах, хоть утони в них, а Димка, он все равно Майке уже не достался. Это уж, прости, дорогая подруга, факт свершившийся. Беременностью родной-законной жены подкрепленный. Хотя, как она и сама тогда догадалась, урвала-таки себе Майка пару свиданий с Димкой. Вот же дура. Только сама себе хуже и сделала. Еще больше поплыла потому что. Да еще и залететь ума хватило...

Так до сих пор и плавает в этой любви разнесчастная ее подруга Майка. Бедолага. Пятнадцать лет уж прошло, а все плавает. Карамель текучая. И пусть! Пусть плавает! Пусть на Димку облизывается! Она, Дина, и не против вовсе. Должно же хоть что-то сердце греть. Вот и выходит, что соперничество – вещь для женской дружбы незаменимая. Если оно проигранное, конечно, той стороной, это соперничество.

Пусть плавает. Пусть любит...

Майя

– Дрянь! Дрянь! Дрянь какая! – дребезжащим от непролитых слез голосом проговорила в который уже раз Ирина Алексеевна и даже ткнула в воздух перед собой сухим кулачком, будто эта самая «дрянь» стояла перед ней лицом к лицу и подсмеивалась над ее женским горем. – Представляете, Маечка, мы с ним двадцать пять лет, как один день... Я к серебряной свадьбе готовилась, хотела платье себе купить... А он... А она... Да как у нее наглости только хватило!

Семейная трагедия Ирины Алексеевны вот уже месяц была на устах у всей школы. Нет, если бы дело касалось кого другого, а не этой тихой интеллигентной математички, представляющей собой, можно сказать, образчик честной школьной учительницы и добропорядочной во всех отношениях матери и жены, может, и не обсуждалась бы так страстно эта история. Ее на самом деле было очень жалко, эту свято верящую в добро и справедливость женщину. Верящую в то, что каждому к старости воздается соответственно творимому в течение всей жизни добру. А добра этого честная и наивная Ирина Алексеевна и впрямь «натворила» много: и мужа своего, по молодости непутевого, из запойного состояния вытащила да в мало-мальские начальники определила, потом на двух сыновей жизнь положила, и женила, и даже свекровка из нее довольно приличная со временем образовалась. Не вредная. Не приставучая. Не ревнивая. Хотя, если честно, уж лучше бы она вредничала, приставала и ревновала. Может, не посмела бы тогда ее невестка Юля «устроить» семейное счастье своей подруги Светы таким примитивным способом, то есть «сознательно допустить», как выражалась Ирина Алексеевна, роман своего свекра с подругой...

– Нет, Маечка, вы представляете, каково мне все это теперь осознавать? Ведь я ж ее в дом, эту Свету, как свою пускала... И на дни рождения, и просто в гости... Она все время у нас вертелась, эта Света! Я еще думала: как хорошо, как крепко дружат эти девочки... Дрянь, дрянь какая!

– Так, может, ваша невестка и не знала ничего... – робко вставила в горестный слезный монолог свое слово Майя. – И даже скорее всего, что не знала...

– Ах, Маечка, ну что вы говорите! Да как это так – не знала? Хотя она и утверждает, конечно, что не знала... И даже искренне подругу свою проклинает... Но ведь все ж на ее глазах наверняка разворачивалось! Я все время в школе пропадаю, меня часто вечерами дома нет. Да вы и сами знаете, вы же у меня учились... А по выходным еще и репетиторством занимаюсь...

На это Майе возразить было уже нечего. Ирина Алексеевна действительно была учительницей от бога, отдавалась своему делу полностью и практически бескорыстно. Основы преподаваемого ею предмета застревали в головах учеников практически намертво. А если у кого с первой попытки не застревали, то вдалбливались туда уже после уроков, терпеливо и упорно, без намека на усталое учительское раздражение. Вот взять хотя бы ее, Майю. Уж сколько лет со школьных времен кануло, а разбуди ее ночью да спроси, чему равны разность квадратов или квадрат разности – отбарабанит, даже глаз не открыв. Другой вопрос, конечно, что и ни к чему ей знать при чисто гуманитарном образовании про эти квадратные разности, и все же... Никто не заставлял Ирину Алексеевну проводить эти дополнительные занятия во внеурочное время, тем более никто их и не оплачивал. Просто она такая была – сверхчестная, сверхобязательная. Рудимент канувшего в Лету социалистического школьного образования. А репетиторство ее было просто насмешкой какой-то над самим этим процессом. Деньги она брала с желающих поступить в престижные вузы чисто символические. Но, надо отдать ей должное, позволяла себе тут и покапризничать. То есть выбирала для репетиторства тех только, к кому душа не только педагогическим, но еще и человеческим боком поворачивалась. Так вот она и с Лёней Гофманом в свое время занималась, с ее, Майиным, бывшим мужем...

– Ну вот скажите мне, Маечка, почему они такие теперь? Зачем, зачем ей мой Володя? Что она в нем нашла? Ей еще тридцати нет, а ему скоро на пенсию выходить... Это что, любовь такая неземная, что ли? К моему Володе? Ладно еще, если б он артистом каким был или композитором известным... А так... Или я не понимаю чего?

– Ирина Алексеевна... – попыталась перевести разговор на другую тему Майя. – А вот вы давеча говорили, что у вашего мужа мама недавно умерла...

– Ну да... Умерла Раиса Федотовна... А при чем тут...

– А квартиру свою трехкомнатную в центре города она кому завещала?

– Так Володе! Кому ж еще-то? Он ведь ей сын! Мы хотели, чтоб внукам, но она решила – сыну. А... Вы думаете... Почему вы спросили, Маечка? Вы думаете, что Света из-за квартиры... Ну да, они с Володей уже три дня там живут... Какая же я наивная, господи! Ну конечно же... Ах, какая же она дрянь... Дрянь, дрянь!

Ирина Алексеевна остановилась вдруг посреди тротуара как вкопанная, уставилась вдаль большими сухими глазами. Майя автоматически сделала два шага вперед, потом развернулась к своей несчастной коллеге, осторожно тронула ее за плечо.

– Пойдемте, Ирина Алексеевна... Не надо так горевать, что вы. Не надо, вы же заболеть можете...

– А я уже больна, Маечка. Я уже больна одиночеством и предательством. На всю оставшуюся жизнь больна. Сколько уж мне там осталось...

– Ой, да зачем вы так! Жизнь есть жизнь, она все по местам расставит... Пройдет время, и вы простите, забудете...

– Ах, Маечка, оставьте! – резко вскинула руку перед ее лицом Ирина Алексеевна. – Вы еще слишком молоды, чтобы что-то чувствовать... И не говорите мне таких слов! Не говорите того, чего не понимаете! Все, до свидания, Маечка, я дальше сама пойду. Не провожайте меня больше.

Сбросив Майину руку со своего плеча, она развернулась и быстро пошла вперед, оставив Майю в полной растерянности. Вообще-то она ее и не провожает. Вообще-то им по пути... Еще целый квартал можно вместе идти. Вот уже четыре года, как они ходят вместе, возвращаясь домой. С тех самых пор, как Майя, вернувшись из Питера, устроилась на работу в свою школу. А куда ей было еще устраиваться с университетским филологическим образованием? Это еще хорошо, что хоть в родную школу взяли... Зарплата маленькая, конечно, ну уж какая есть. Всё вперед, как мама говорит. Ладно, не хочет ее видеть Ирина Алексеевна и не надо. Ее можно понять. В таком состоянии вообще, наверное, никого видеть не хочется. А только зря она говорит, что Майя ее не понимает. Она ее прекрасно понимает. И отвращение ее к «дряни», решившей пристроиться к чужому мужу и решить тем самым свои какие-то проблемы, тоже понимает. Она, Майя, если правде в глаза посмотреть, та же самая дрянь и есть. И даже не единожды, а дважды дрянь...

Свернув с бульвара в свой переулок, Майя медленно пошла вдоль старых домов монументальной «сталинской» застройки, мимо знакомой с детства булочной, мимо низкого, некрасиво выщербленного крыльца почты, мимо особняка с мемориальной доской, напоминающей прохожим о том, что в этом особняке жил и творил когда-то известный всему миру бородастый писатель-сказочник... Сентябрьский вечер тихо плыл над городом, приглашая вдоволь насладиться уходящими прелестями бабьего лета. Майя очень любила это время года – яркое, красиво умирающее под собственный тихий шелест желто-багряное буйство, запах костров и особенный, тонкий звон воздуха. Звон, похожий на тихую мелодию, немного грустную и возвышенную мелодию прощания. Вот-вот, уже совсем скоро, уже, может быть, завтра, прилетит холодный мокрый ветер, принесет с собой в свинцовых, набитых снегом тучах простуду, осеннюю депрессию...

А вот и ее двор. Кое-где в окнах домов зажегся свет, бледно-желтый, размытый наступившими сумерками. На скамеечке у подъезда бабушки сидят, улыбаются приветливо. Знакомые все бабушки. Майя их еще моложавыми тетками помнит. Как время быстро летит, как незаметно. Утекает, как песок меж пальцев. Почему-то особенно это чувствуется в такие вот дни – последние теплые.

Дверь ей открыла мама. Заглянула в лицо тревожно, будто пытаясь на нем прочесть что-то для себя важное. Она в последнее время так и глядит на нее, с тревогой и страхом. Просто глядит, ничего не спрашивает. И спасибо ей за это. Чего спрашивать-то? И без того она все про Майю знает. Может, и больше даже, чем она думает...

– Устала, Маечка? Как ты поздно сегодня...

– Да нормально, мам. Я так всегда прихожу. Темка дома?

– Нет. С Сашкой гулять ушли.

– А куда? Не сказали?

– Да ладно тебе – куда! Хватит уж его опекать-то! Парню твоему четырнадцать уже, а ты все кудахчешь над ним, как клуша... У нас здесь не Ленинград, не заблудится.

– Мам, ну какой Ленинград! Питер уж сто лет как, не Ленинград!

– Да ладно, подумаешь... Это для вас он Питер, а для меня нет. Ты чай с нами пить будешь? Иль ужин тебе разогреть?

– С нами – это с кем? У нас гости, что ли?

– Ага. Зина вон пришла меня навестить. Сидим, чаи гоняем. В молодости-то некогда было дружить, теперь вот навестываем.

– Ну-ну... Давайте...

– Здравствуй, Маечка! Здравствуй, красавица наша! – послышался из кухонных дверей ласковый голосок тети Зины, маминой подруги. Вскоре она и сама, маленькая и круглая, выплыла в прихожую, стала смотреть на Майю, умильно улыбаясь и сложив руки на животе.

– Ой, да какая красавица, тетя Зин... – отмахнулась от нее шутливо Майя, вытаскивая ноги из туфель. – Я и девчонкой в красавицах не ходила, а уж теперь-то...

– Ну уж не скажи! – авторитетно заявила тетя Зина и одобрительно прищелкнула языком, продолжая ее разглядывать. – Некоторым бабам спелость очень даже к лицу! В девках гадкими утятами ходят, а потом догонять начинают. У меня вот сватья только к старости, например, на бабу походить стала.

– Вашей сватье, стало быть, старость к лицу прилась? – весело проговорила Майя, проходя мимо нее в свою комнату. – Интересная мысль, между прочим... А вы ей об этом сказали уже?

– Да бог с тобой, Маечка... Нет конечно! Обидится еще... А ты что, чаю с нами не попьешь, что ли?

– Обязательно попью, тетя Зин! Сейчас, переоденусь только...

Пройдя через общую комнату, Майя вошла к себе, на ходу расстегивая пуговицы строгого черного пиджачка. Квартира была двухкомнатная, большая, с высокими потолками, но очень неловко устроенная. Отчего придумалось тому «сталинскому» архитектору соорудить на достаточно большом пространстве проходные комнаты, оставалось загадкой, конечно. Неудобно же! На таком пространстве можно было и трехкомнатную соорудить запросто, и входы-выходы отдельные спланировать... А так получилось – две комнаты и обе большие, хоть в футбол в них гоняй... Да еще и смежные...

Аккуратно пристроив на плечики юбку и пиджак, Майя открыла платяной шкаф и повесила в него свою строгую рабочую одежду. Потом постояла немного, задумчиво взирая на висящие в шкафу наряды. Хорошие наряды. Дорогие. Из той еще жизни, из благополучной. Вон, и платья вечерние висят... К чему ей теперь эти платья? Куда в них выходить-то? Продать их, наверное, надо. В комиссионку отнести. Чтоб не висели тут зазря, не напоминали о том, какая

она дрянь... Господи, да что эта «дрянь» сегодня так к ней привязалась? Ну, дрянь. Ну и что? Так вышло, значит...

Сердито хлопнув дверцей шкафа, Майя натянула на себя старые бриджи, футболку, сунула ноги в шлепанцы. Усевшись в старое плетеное кресло, скрипнувшее под ней жалобно, тяжело вздохнула. Вот сколько можно себя казнить? Мама правильно говорит: раз жизнь зачем-то дана, надо же ее жить, а не казниться каждый день попусту. Жить и наслаждаться. Чем? Да хоть заботами. О своих близких думать. Надо вон тахту для Темки новую покупать, например... На узеньком старом диванчике ему давно уже спать неудобно. Вымахал парень, большой уже стал. Долговязый. На отца похож. Хотя про отца – это не надо. Закрытая у них эта тема. Болезненная. Да и не только тахту, надо бы вообще мебель в квартире сменить...

Обстановка в квартире и впрямь была странноватой. Смесь богатства и бедности, нового и свой век отжившего. Вот взять это кресло плетеное, например. Майя его еще из детства помнит. Мама рассказывала, эти кресла при бабушке с дедушкой куплены были. Тогда это особенным шиком было – чтоб плетеные кресла, чтоб сверху на них плюшевые яркие чехлы надеть... И чтоб кругом все было такое же – плюшево-бархатное. И скатерти, и салфетки, и шторы на окнах с обязательными бомбошками. Или кисеи. Это уж кому на что фантазии хватало. А теперь на этом кресле накинут шикарный плед из альпаки, они с Лёней такие пледы из Англии привезли... Или вон, в комнате, большой японский телевизор стоит, Майя его маме на юбилей дарила. А под телевизором – тумбочка дедовой работы. Топорная, из толстых досок сколоченная. А в углу – этажерка с книгами. Вот кто-нибудь из современных модных дизайнеров знает, что это за конструкция такая – этажерка? Наверняка не знает. А на одной из полок этажерки Тёмкин ноутбук примостился. Кажется, даже будто съезжился брезгливо от такого хамского соседства. А что делать? Пусть терпит. Пусть ждет своего хозяина, пока он не нагуляется...

Посидев еще пять минут и поглазев на привычную обстановку, Майя неохотно поднялась, поплелась на кухню. Чаю и в самом деле хотелось. И съесть бы чего не мешало – весь день на одном утреннем бутерброде продержалась.

– Давай, садись, доченька... Вот, я тебе картошечки погрела... – засуетилась по кухне мама, одним глазом кося в экран телевизора, где вовсю развернулось страдальческое многосерийное действие. И тетя Зина, приложив ладошку ко рту и покачивая головой, страстно сопереживала монологу хорошенькой героини-блондинки, объясняющей герою в своей то ли преступной, то ли коварной любви. А потом герой ответил ей что-то, и это «что-то» совсем, видно, героине не понравилось, и она заплакала, красиво дрожа полными чувственными губами. Целую минуту плакала крупным планом. С настоящей слезой. На этом серия и закончилась. Пробежали торопливые титры, и бодро-оглушительно грянула реклама, приглашая всех российских сопереживательниц оторваться от экранов телевизоров и приступить к своим прямым женским обязанностям.

– Ишь, как хорошо тебе, Алечка... Телевизор у тебя на кухне стоит... – завистливо вздохнула тетя Зина. – А мои как придут с работы, так ужин сразу просят. Вот я и мечусь из комнаты в кухню, так толком и не досмотрела до конца ни одну серию.

– Да не говори, Зин. Хорошее дело, конечно, когда телевизор на кухне стоит. Мне как Маечка купила пять лет назад новый телевизор, я сразу старый сюда приспособила. А то действительно, не набегаешься...

Они замолчали, снова дружно уставившись в экран. Большой рекламный блок заканчивался по-модному изысканной социальной рекламой, рассказывающей о проведении все-российского конкурса среди одаренных детей. Хорошенькие ребячьи личики забавно улыбались в камеру, и голос за кадром ласково комментировал их прекрасное будущее – этот, мол, будет министром финансов, этот президентом, а эта милая девчушка – непременно гениальной актрисой, и все они вместе возродят былую российскую славу...

– Ну да. Возродят, конечно, – с обидой в голосе прокомментировала рекламу Майина мама. – И так видно, что всех деток из хороших да благополучных семей отобрали...

– А из каких надо их отбирать, мам? Из неблагополучных, что ли? – удивленно уставилась на нее Майя.

– Да не в этом дело, из каких! Они ж в этот конкурс наверняка деньжищи огромные вбухают. В этот, как его красиво называют...

– В национальный проект, – подсказала Майя.

– Во-во! Вот в него и вбухают. Элита и растит новую элиту. А остальные детки, выходит, обойдутся. Остальным деткам дорога во двор да на улицу определена. Ими никто заниматься и не будет. Как будто наша страна из одной элиты состоит... Раньше вот все наоборот было! Если ты есть мать-одиночка иль там вдова, с малыми детьми на руках оставшаяся, то тебе и путевку в лагерь бесплатную, и квартиру вне очереди, и детей в кружок определить, чтоб зря не болтались. А теперь чего? Ты посмотри на этих деток – они ж явно при хороших мамках-папках растут! Чего их проектами всякими поднимать? Они и без проектов хорошо поднимутся! Ты лучше этими вот озаботься, которые без призору, в бедности да хамстве растут... А потом возмущаются, откуда у нас столько этих развелось... Ну как их... Ты в прошлый раз слово такое правильное сказала, я его не запомнила...

– Маргиналов? – снова подсказала Майя, тихонько усмехнувшись.

– Ну да, ну да. Этих самых маргиналов и есть. Они вот потом вырастут и опять дадут этой элите по печенкам...

– Конечно, дадут! – тут же поддержала свою подругу тетя Зина. – Небось там, в этом проекте, ни одного ребятеночка из многодетной да вдовьей семьи нету! Где ему такой конкурс пройти! Мать-то наверняка с ним в английские бирюльки не играет да книжек часами не почи-тывает, а на трех работах ломается... Вот как ты, Алечка, в свое время...

– Ой, и не вспоминай, Зина! – горестно подперла рукой подбородок мама Майи. – Уж и не знаю, как я выжила тогда... Какие уж там книжки, что ты! Если б не Майкина подмога, так и не смогла бы ни Ваньку, ни Юльку, ни Сашку в люди вывести... Все бы в эти пошли... Как их, зараза! В маргиналы эти... Так что спасибо тебе, доченька дорогая...

Мама всхлипнула, приготовившись всплакнуть привычно, да передумала, видно. И правда, теперь-то зачем слезы впустую лить? Теперь уж все трудности позади, можно сказать. Ванька на ноги встал, работает, женился удачно, живет теперь в любви да ласке, Юлька инсти-тут заканчивает, Сашка только-только из армии пришел, тоже учиться собирается... Настоя-щие слезы тогда начались, двадцать лет назад, когда мама осталась вдовой с четырьмя детьми. Горькою вдовой, безысходною. Сколько ж ей тогда лет было? Ну да, столько и было, сколько сейчас ей, Майе...

Она очень хорошо помнит тот день. Помнит, как пришла из школы и мама все свое многодетное семейство за обедом собрала. Кроме отца, конечно. Отец на работе был. Все до мелочей запомнилось: и протянутые на предмет проверки чистоты Ванькины ладошки, и заля-панная зеленкой по случаю ветрянки Юлькина мордашка, и Сашкины непонятные пока мла-денческие лопотания из маминых рук, и даже вкус борща, который был тогда подан на обед. И как майское солнце в кухонное окно било и мама ворчала на Майю беззлобно, потому что не хотела пускать к Динке на день рождения. Не из вредности, конечно, а потому просто, что не нравилась ей эта дружба. Разного они поля ягоды. Надо по сердцу себе подружек подыскивать, а не тех, кто на твоём фоне нарядами красуется...

А потом маму к соседскому телефону позвали. Своего-то у них не было. Сунув малень-кого Сашку Майе на руки, она резво пробежала через лестничную площадку в открытую сосед-скую дверь, и вскоре они вздрогнули от ее душераздирающего воя.

Потом маме «Скорую помощь» вызвали. Никто с ней ничего не мог сделать, все выла и выла, обводя собравшихся вокруг себя людей безумными глазами. Ванька и Юлька тоже пла-

кали тихонько, прижавшись с двух боков к Майе, и Сашка впился руками ей в шею испуганно – оторвать невозможно.

– ...Господи, как же так... Что же теперь будет-то... – все повторяла соседка тетя Таня, суется под ногами у приехавших на «Скорой помощи» медиков. Та самая, которая мать к телефону позвала. – Вы уж не забирайте ее с собой, уж так успокойте как-нибудь... Ей мужа хоронить надо... Некому хоронить-то! Дай бог, чтоб хоть деньги нашлись... Майка, деньги-то у матери есть?

– Я не знаю... – с трудом высвободив шею из цепких Сашкиных ручонок, хрипло проговорила Майя. – Вообще-то мама говорила, отцу зарплату второй месяц задерживают...

– Ну, это хорошо, что задерживают. Значит, накопилось чего. Значит, требовать можно – на похороны все равно дадут... Вот говорила я Але: зачем рожашь столько? Без денег, без специальности... Эх, да что там... Разве она меня послушала...

Что ж, мама, надо признать, и впрямь была такая – без денег и без специальности. Сирота детдомовская. Выскочила замуж за отца, в семью его была принята да свекром со свекровью обласкана, потому что женою оказалась честной, аккуратной и любящей. И к ним, старикам, полным уважением прониклась, к советам прислушивалась, всем хворям сочувствовала. Они и впрямь к женитьбе сына в статус пенсионный успели перейти – он у них последышем был, как они говорили. Поздний то есть ребенок. Майе и восьми лет не исполнилось, когда бабушка с дедушкой в один год умерли, оставив молодым эту вот квартиру. А мама с отцом, похоронив родителей, принялись Майе сестер-братьев рожать одного за другим, будто стремясь восполнить утрату. Сначала Ванька на свет появился, через три года Юлька, потом и за Сашкой в роддом сходили... Так и получилось, что мама за время своего замужества не поработала ни одного дня. Сначала Майя родилась, потом за стариками пригляд был нужен, потом дети...

Вообще, они очень хорошо жили, многодетная семья Дубровкиных. То есть дружно. В любви. На этом, на дружбе да на любви, это «хорошо» и заканчивалось. Дostatка особого в доме не было, конечно же. А что делать? С четырьмя детьми не больно каким достатком разживешься... Но опять же и не бедствовали. Отец неплохую сталеварскую зарплату получал на своем металлургическом заводе, в бригадах ходил. Фотография, что на Доске почета висела, аж пожелтела с годами. Правда, потом времена подошли такие, что почет этот стал уж и не в почете. Другие критерии для почета выявились. Материально заинтересованные. Стояли за спиной простого рабочего человека, дышали в нее горячо. Вот и отцу, видно, тоже дышали. Ему бы после ночной смены домой пойти, а он на вторую остался, на дневную. Вот и недоглядел с устатку – прорвало раньше времени чугунное варено заслонку, кинулось на волю, полетело в него раскаленными брызгами. Заживо сгорел человек – никто и опомниться не успел. Похоронили с почестями.

Поплакала несчастная Алевтина Дубровкина недельку всего. А больше нельзя было. Девять дней со смерти мужа отметила, вздохнула горестно и пошла заработок искать. Пенсию по потере кормильца назначили ей, конечно, но что это за деньги – слезы одни. И заводское начальство, так пылко мужа почетом прославлявшее, не захотело признать своей вины в части всяких нарушений охраны труда, вывернулся-таки заводской юрист из неприятного для завода положения. Ничего от них Алевтина не получила, никаких пособий. Путевки в детский сад для Сашки с Юлькой выписали – и на том спасибо.

Поначалу Алевтина на молочный комбинат устроилась – приемщицей. Потаскала тяжелые фляги с молоком, быстро надорвалась, в больницу попала. Оказалось, нельзя ей тяжести поднимать. Потом в овощную палатку ее взяли – и здесь толку от нее никакого не было. К концу месяца проторговалась так, что в долгах осталась. Торговое дело – оно ж не всякого человека любит. Оно хитрого любит да пронырливого. Алевтина же таковой сроду не была. Простодушной была, жалостливой, для людей открытой. Только и умела, что щи варить да мужа с детьми любить. Но одной любовью, говорят, сыт не будешь... Кончилась вся Алевти-

нина эпопея поисков заработка тем, что устроилась она уборщицей в трех местах. В магазине, в конторе одной да в поликлинике их районной. В конторе по утрам полы мыла, в поликлинике по вечерам, а в магазине надо было целый день шваброй махать – так того директор требовал. Магазин из новомодных был, с красивыми плиточными полами белого цвета. Если не убирать – никакой красоты через час уж не будет. Так и начала бегать туда-сюда: из конторы в магазин, из магазина в поликлинику...

Денег этих, конечно, хватало, чтоб с трудом концы с концами свести. Чтоб прокормиться как-то. Да еще, как назло, времена эти непонятные пришли, когда человек, получив очередную зарплату, вдруг обнаруживал, что купить на нее он уже ничего не успел. Вот месяц назад еще, может, успел бы, а сейчас – нет. Поезд ушел. Другого ждать надо. Вот он, на подходе уже, и мелькнули вдали огни семафорные, и вроде остановился, и двери свои гостеприимно открыл – заходи, покупай чего хочешь! Если сможешь, конечно. А если не сможешь – твои проблемы. Иди обратно, оставайся на своей станции. Живи как получится. И не важно, что у тебя кормильца нет и дети малые есть просят. Не надо было рожать столько – предупреждали тебя умные люди...

Вот Алевтина и жила. Как получалось. Хорошо хоть старшая дочь оказалась в помощницах. Утренние сборы в детский сад и в школу легли, естественно, на Майины плечи. Она и не возражала. Лихо перекинув ремень школьной сумки через плечо, как портупею, волокла за руку неповоротливую полненькую Юльку, на другой руке восседал Сашка, вертел головой в разные стороны. Тут главное дело было – баланс удержать, чтоб он с ее руки не свалился. Иногда и Ванька ей помогал – подхватывал сестренку за другую ручку. Справлялись, в общем. Хуже было другое – поизносились все быстро. Пальтишки детские стали маловаты, блузки Майины тесноваты... Она, конечно, всегда худой была, но повременить с возрастными девчачьими изменениями природу тоже не уговоришь! Они ж наружу так и прут, эти изменения, пуговицы с мясом рвут! Потому пришлось им с мамой шить научиться. Вернее, не шить – перешивать. Обновлять, надставлять, перелицовывать, придумывать планочки-аппликации, пришивать оборочки из другой ткани... Бедняцкий такой дизайн, вынужденный полет фантазии. В общем, с одеждой они худо-бедно разобрались-приспособились. А вот с обувью было хуже. Тут как ни фантазируй, а не перелицуешь и дополнительную планочку не надставишь. И даже оборочку не пришьешь. И потому после покупки очередной пары обуви семья садилась на жесткую экономию. А если точнее – на жестокую. Суп без мяса, каша на воде, винегрет... А еще они ели сухарницу. Вот кто знает, что это за блюдо такое – сухарница? Ванька Дубровкин, например, очень даже наострился сухарницу эту делать... Значит, так. Ныряем в шкаф, где стоит мешочек с белыми сухарями – остатками от бывших обедов и завтраков. Там, в шкафу, между прочим, и с черными сухарями мешочек стоит, ржаными то есть. Но для сухарницы, знаете, нужны именно белые сухари. Насыпаем их в миску, потом заливаем крутым кипятком, потом добавляем порезанные мелко-мелко две большие сырые луковицы, потом солим, чуть перчим, потом заливаем все это подсолнечным маслом... Нет, лучше, конечно, туда большой кусок сливочного масла бросить, если по совести. Если он есть, конечно. А нет – так и с подсолнечным хорошо. Горячо, лук на зубах похрустывает – уж всяко вкуснее перловой каши! И маму накормить можно, когда она с работы придет совсем уставшая...

Трудно им было, конечно. Порой до отчаяния. Но ничего, жили как-то. Майя хотела было в вечернюю школу перевестись, чтоб работать пойти, да мама не разрешила. И хорошо, что не разрешила! Иначе как бы она с Димкой виделась? А так... Так у нее Димка перед глазами был. Целых шесть уроков подряд. Они с Диной за предпоследней партой у окна сидели, а Димка – на среднем ряду, ближе к учительскому столу. В самом центре класса. Хорошо. Она на него смотрит, а он не видит. Только Динка все время шипит – чего, мол, уставилась так откровенно, расплылась вся карамелью... Так прямо и говорила – «карамелью». А что, что она

могла сделать? Может, поэтому ей и трудности семейные были нипочем, раз можно на Димкин затылок целыми уроками паяться...

Правда, иногда он на этот ее взгляд оборачивался. Подмигивал, улыбался весело. Ее тут же будто кипятком радостным ошпаривало – вздрагивала, сжимала губы, чтоб не растягивать их в ответной придурковатой улыбке, и быстро отводила глаза в сторону, и сглатывала судорожно радостный комок волнения, застрявший в горле. А однажды он на школьном крыльце к ней подошел – она Динку с физкультуры ждала. Пойдем, говорит, до дома тебя провожу... Она и пошла, ног под собой не чуя. Домой пошла. Надо было в садик за Юлькой с Сашкой идти, а она – домой... Димка же сказал: домой провожу! И проводил, прямо до двери подъезда довел! Медленно так шли... Он говорил ей что-то – она и не слышала. Улыбалась, как дурочка, всю дорогу. Не смогла с улыбкой этой никак совладать. Димка ушел, а она потом обратно в детсад неслась как угорелая. Вернее, на крыльях летела, перескакивая галопом через весенние лужи. И все равно опоздала. Всех уж детей разобрали. В общем, попало ей в этот вечер от всех. И от воспитательницы за опоздание, и от мамы, и Дина разобиделась, что она ее не дождалась, ушла с Димкой... Целую неделю с ней не разговаривала. Это уж потом выяснилось, что Димка ей тоже нравится...

А поначалу они стали гулять втроем. А как иначе – Динка, она ж ей подруга все-таки! Куда ее девать-то? Правда, времени на такие легкомысленные прогулки совсем не было. Только в те дни, когда мама выходная была. Конечно, это громко сказано – выходная... Не было у мамы никаких выходных. В конторе, например, в субботние-воскресные дни пол мыть не надо, это да. В поликлинике только по субботам нужно. А в магазине – тут уж святое дело. Тут ей воскресенья рабочие часто выпадали. Да она и не отказывалась. Деньги все-таки. Кстати, там и платили больше всего... Но мама ее все равно гулять отпускала. Как она говорила, «невеститься». Правда, мама никак понять не могла, зачем за дочкой с кавалером эта «наглая Динка тащится», но помалкивала. Не любила она Майину подружку. Ну что это за подружка такая – все норовит вырядиться в пух и прах в дорогое-модное и лезет изо всех сил в чужую любовь? Если уж ты подружка и тебя гулять позвали, так и оденься поскромнее, не смущай бедную девчонку. Она ж не виновата, что, как в той песне поется, хороша-то хороша, да плохо одета. Прямо сердце кровью обливается, как плохо. Да еще и влюбиться ее угораздило в этого белобрысого паренька так сильно, что страшно даже. Хотя, может, это и хорошо. Алевтина в своего Виталика тоже так вот по молодости влюбилась и тоже сияла вся, как начищенный самовар...

Дина Майю тоже за это лишнее «сияние» поругивала. Как бы по-дружески. Как бы со стороны.

– Ну что смотришь на него, будто он не пацан, а ангел небесный? Растянет рот до ушей, и поплыла... Совсем дура, что ли? Нельзя же так! – наставляла она сердито Майю. – Знаешь, как со стороны смешно смотрится?

– Ой, да наплевать мне, как там оно смотрится, Дин! Знаешь, как мне хорошо? Я вот смотрю на него, и у меня звенит все внутри! Даже лопнуть от звона этого хочется! Просыпаюсь утром и начинаю сразу лопаться...

– Ну и дура, что начинаешь. Ты что, думаешь, он тоже любит тебя, что ли?

– Не знаю, Дин... Иногда мне кажется, что да... Тоже любит...

– Ага! Размечталась! Да ни фиги он не любит! Он вообще никого не любит, между прочим! Ему главное, чтоб по нему с ума сходили...

– Ну, раз это для него главное, пусть так и будет... – удивленно пожимала плечами Майя. – Я и дальше буду с ума сходить...

– Во идиотка... – вздыхала Дина, закатив глаза. – Нет, ну совсем, совсем идиотка... Да если бы я так же, как ты, на него посмотрела хоть раз...

– А зачем? – удивленно вскидывала на подругу Майя блестящие темно-карие глаза. – Зачем тебе на него так смотреть? Ты что, тоже его любишь?

– Ой, да больно надо! – злобно фыркала Дина, отворачиваясь. – Что я, с ума сошла, так перед пацаном чувствами растекаться? Нет уж. У меня своя гордость есть, между прочим. Пусть передо мной растекаются...

Однако получалось так, что никто особыми чувствами перед Диной не растекался. Она красивая была девчонка, но... злая немного. Или надменная, может. И впрямь, тяжелая задача для юной школьницы – быть лучше всех. Хотя все вместе это именовалось у Дины гордостью. Так до самого выпускного вечера она и позволяла Майе с Димкой гордо и снисходительно себя «выгуливать». А на выпускном вдруг сорвалась. Напилась шампанского и закатила Майе настоящую истерику, когда застала их с Димкой целующимися в кабинете физики. Пошла ее искать, и вот, нашла... Рыдала потом в туалете, размазывая по лицу дорогую косметику, выкрикивала сквозь слезы подруге в лицо:

– Да, да! Я его тоже люблю, поняла? И не смотри на меня так, дура! Потому что унижаться перед ним, как ты, я вовсе не собираюсь! Просто я смотреть уже не могу, как ты... как ты...

– Диночка, успокойся... – залепетала Майя. – Ты чего, Диночка? Прости, я же не знала...

Но Дина рывкнула:

– Да какая разница – знала, не знала! Вот, знаешь теперь и что? Дальше-то что?

А правда – что? Майя только глаза распахнула растерянно, не зная, что ответить подруге. Как теперь и в самом деле быть-то? Жалко же Динку...

– Ладно, иди отсюда, – отвернула Дина от нее заплаканное лицо, – не надо меня жалеть. Я и сама кого хочешь пожалеть могу. Еще чего не хватало – жалеть она меня будет...

Майя ее тогда пожалела-таки. По-своему. То есть попросила Димку, чтоб он Дину не обижал. И чтоб относился к ней не как к ее подруге, а как... Да она и сама не могла ему объяснить – как! Но и правды всей не могла сказать – боялась, что Дина обидится. Она же гордая. Вот она, Майя, не гордая совсем, а Дина гордая. Это ж очень трудно, наверное, свою любовь под замком в себе носить. Так после выпускного вечера они и стали встречаться – всегда втроем. По-прежнему. Постороннему глазу и непонятно было, кто тут с парнем любовь крутит, а кто просто дружбу дружит... И даже на Димкиных скорых осенних проводах в армию сидели по разные к нему стороны – Майя справа, Дина слева. Обе, стало быть, провожающие девушки. Тогда еще на слуху было, не успело исчезнуть, навсегда кануть в Лету такое понятие, как «провожающая девушка». То есть та, которая два года ждать поклялась, чтоб потом за «провожаемого» замуж выйти. Практически статус невесты провожающая девушка для себя приобретала. А у Димки, выходит, сразу две невесты образовалось: Майя и Дина. Мать с отцом глядели, только плечами пожимали. И Димка им не объяснял ничего. Посмеивался только. А под столом сжимал Майину руку горячими пальцами – вроде того, уж мы-то с тобой знаем, кто кому кто...

А потом от Димки стали письма приходить. Как же Майя ждала эти его письма! Правда, ничего такого особенного он ей не писал – ни про любовь, ни про намерения. Обычные солдатские письма. Немного хвастливые. Немного прикрасенные, пересыпанные особенными армейскими словечками. Чем ближе к «дембелю», тем больше пересыпанные. А она даже дни те помнила, когда эти письма приходили. Вот первое, например, как раз к Новому году подошло. Майя пришла с работы – белеет в почтовом ящике. Так сердце и забилося... И слава богу! Сессия в заочном педагогическом на носу, а ей ничего в голову не идет, все мысли ожиданием этого письма заняты.

С Диной, как Димка в армию ушел, они виделись редко. Когда видеться-то? У Майи днем – работа, вечером – хлопоты по многодетному хозяйству. Работать она пошла в ту самую контору, где мама полы мыла. То есть в офис, как начала себя гордо именовать на потребу времени эта контора. Сначала курьером ее взяли, потом она в секретари выбилась. Привыкла по хозяйству шустро поворачиваться, и тут у нее все в руках горело. Начальник нахвалиться не мог. Даже на сессию обещал без упреков отпустить, и даже отпуск оплатить, для сдачи

экзаменов положенный. Он, конечно, и по закону ей положен был, отпуск этот, но времена новые демократические к тому времени совсем уж окончательно распоясались. Каждый мало-мальский начальник закон этот для себя самостоятельно определял – для кого, мол, пожелаю, для того закон и соблюду. В общем, повезло Майе с работой. И маме повезло – можно иногда обязанности свои по мытью полов на «секретаршу» взвалить безболезненно.

Дина в отличие от Майи не работала совсем. И не училась. Папа сказал – отдохни от школы, посиди дома год. Ты ж одна у нас дочь, любимая. Не семеро же по лавкам сидит, прокормим. А на второй год ей и самой ни учиться, ни работать уже не захотелось. Обеспеченное безделье – оно как в омут неокрепшие души затягивает. Майя все пыталась ее вразумить, а потом поняла: без толку. Динка – она из другого теста сделанная. Пусть живет как хочет. Не до нее ей теперь. Скоро снова осень, скоро у Димки дембель...

– Майка! Может, тебе платье новое пошьем? – как-то за вечерним чаем осторожно спросила мама. – В чем ухажера-то встречать будешь? Зарплату получишь, и пошьем!

– Да ладно, мам... Лучше сапоги тебе на зиму купим! Старые-то и в починку уже не возьмут!

– Не... Погодим пока с сапогами, Майка... – задумчиво и одновременно благодарно улыбнулась ей мама, – и с платьем тоже погодим, пожалуй. Лучше давай-ка эти деньги за пазухой зажем. Сдается мне, однако, что ты скоро замуж заколоколишь...

– Ой, ну что ты, мам! – вспыхнули радостным пунцовым огнем Майины щеки. – Скажешь тоже, замуж...

– А что? Нет разве?

– Не знаю, мам... Он и не пишет даже про такое...

– Так об этом не пишут, дочка. Об этом с глазу на глаз говорят. Вот я когда отца вашего из армии ждала, он тоже мне и полстрочки про любовь не написал. А потом ворвался в общежитие и заорал с порога: быстрее, мол, давай! Расписываться пойдем! Всяко бывает, дочка. Вон, второй-то твой ухажер, как его зовут... Который тоже письма пишет... Ну, который из немцев...

– Лёня Гофман?

– Ну да, ну да... Вот у него, гляжу, в этих письмах все наоборот! С первой строчки – и сразу «приезжай» да «замуж»! Ишь, смелый какой!

– И не говори, мам! – тоже удивилась вслед за матерью Майя. – Ты знаешь, он в школе и не подошел даже ко мне ни разу! Нет, я знала, конечно, что я ему нравлюсь, но я думала, это так... Нет, он совсем не смелый, мам... Он добрый такой, тихий...

– Ну что ж... Видать, любит тебя сильно, раз такие отчаянные письма пишет. Жалко парнишку.

– Ага, жалко...

Пыталась она поговорить и с Динкой на предмет жалости к бедному Лёне Гофману. Может, и не стала бы, да Динка сама конверт с письмом на тумбочке увидела, зайдя к Майе как-то вечером. Вообще-то она не любительница была к Майе ходить, слишком уж суматошно у нее в доме было. В общем, пока Майя чай готовила, Дина то письмо уже и прочитать успела. Майя только плечами пожала и улыбнулась – видишь, мол, напасть на меня какая любовная от Лёни Гофмана... Только Дина ей в ответ не улыбнулась. Дина повела себя совсем уж странно – скривила губы, полоснула ее жестким злым взглядом, проговорила насмешливо:

– Ага... Все-то кругом тебя, Дубровкина, любят, прямо спасу нет. Надо Димке об этом написать. Пусть порадуется твоему женскому успеху!

– Как – написать? А ты что, ему пишешь? – растерялась от такого заявления Майя.

– Ну да... – как о совершенно естественном и будничном, проговорила Дина. – И он мне пишет. А что, нельзя? Надо было у тебя разрешения спросить?

– Нет... Почему разрешения? Ты просто мне не говорила...

– Ну да, не говорила. И что с того? Я, между прочим, к нему даже туда, в армию, съездить успела! От нечего делать! Это же ты у нас девушка вся из себя занятая, а я нет. Я свободная! Куда хочу, туда и еду!

– Дин, погоди... Как это – съездила? Когда?!

– Когда надо! И лучше, если ты будешь об этом знать. Так что не удивляйся, если что.

– А... Что – если что? Не поняла...

– А чего тут понимать? Только ты не думай, что я извиняться сейчас начну. Я перед тобой ни в чем не виновата. Мы с тобой, подруга, вроде как в равных положениях находимся. Ты любишь, я люблю. Только я, в отличие от тебя, с Лёней Гофманом письменных романов не кручу. Я Димку честно жду. И не просто жду. Собралась вот и поехала к нему за тридевять земель. Как жена декабриста. Дежурила там около КПП почти целый день, просила униженно, чтоб его хоть на часок выпустили...

– И что, выпустили?

– А то! Конечно, выпустили. И даже увольнительную на целый день дали. Представляешь, стою я, а он выходит, озирается растерянно. А потом меня увидел. Сначала у него брови на лоб полезли, а потом так обрадовался! Ты, Майка, не удивляйся ничему, ладно? И не смотри на меня, будто я пистолет тебе к виску приставила! Тут уж, как говорится, дружба дружбой, а любовь – врозь... Он, кстати, завтра уже домой должен прибыть. И посмотрим, к кому из нас он первым заявится...

Майя моргнула, потом уставилась долгим взглядом в лицо своей подруге. Смысл ею сказанного никак не укладывался в ее голове. Вот не укладывался, и все тут. Она, Майя Дубровкина, вообще была девушкой очень доверчивой. И наивной. И любила свою подругу как умела. Но не проецировалось на эту любовь то, что только что сказала Дина. Отторгалось, не принималось, не верилось. Люди наивные вообще не умеют пропускать через себя плохое, идущее от других. Особенно от тех, кого любят. Потому что – за что? Наивная душевная искренность – штука вообще непробиваемая. Она только восхищаться умеет, прощать умеет, любить умеет. Вот и Майя – Дину простила, а предательства ее в себе так и не переработала. И Димкиного предательства – тоже. Потому и явилась к ним на свадьбу, просидела за столом безмолвным истуканом. Не было в душе обиды – одна только боль бушевала. Нестерпимая боль. Ознобная. Кое-как она эту боль в себе до дома донесла. Забилась в материнских руках, как большая птица в силках, а слез все равно не было – только сердце бухало часто и горячо, словно выпрыгнуть собиралось. Пусть бы и выпрыгнуло – зачем оно ей, на горячие и острые осколки разбитое?

– Маечка, доченька, ну не надо... Ну что ты... Поплачь, доченька... – испуганно увещевала мама, крепко ухватив дрожащее Майино тело руками. – Переживем, доченька! Такое ли мы с тобой пережили...

– Нет, нет, мам... Я не смогу... Я не переживу, мам... – лихорадочно мотала головой Майя, уставившись в черноту декабрьского окна и звонко стуча зубами. – Я не смогу... Честное слово, не смогу... Ты прости меня, мама...

– Господи, да что же это... Опомнись, Майка! Не пугай ты меня! Ну что, свет, что ль, клином на этом Димке для тебя сошелся?

– Сошелся, мам... Я не знаю, что мне теперь делать...

– Как – что делать? Жить, что еще! Раз жизнь дадена, надо ее жить как-то! Ты молодая, как-нибудь с собой справишься!

– Я не хочу жить, мам...

– Ой, да что такое ты говоришь! Всяко в жизни бывает! А ты перетерпи! А лучше... Лучше знаешь что? Поезжай-ка ты к этому паренечку... Как его? Ну, который тебе письма пишет да к себе зовет! Плюнь на все и поезжай! Издалека, оно быстрее все забывается!

– К Лёне? Уехать к Лёне? – вскинула на мать отчаянные глаза Майя.

– А что? И уехать! Он тебя любит, сам вон в каждом письме пишет... Может, около его тепла и забудешь про своего Димку? Там город незнакомый... А красивый говорят – страсть! Новый год скоро, там вместе его и встретите... Поезжай, Майка! И впрямь, нельзя тебе здесь оставаться, коли так все тяжело сложилось!

– Мам... А ты как же? А ребята?

– Ой, да что мы! Не справимся, что ли? Ванька вон помощником вырос, и Юлька с Сашкой большие уже... Юлька вон вчера и суп сама разогрела, и братьев накормила! Давай, Маечка, поезжай... Прямо с утра и поезжай! А вещички мы сейчас с тобой соберем...

– А... надолго, мам?

– Да как уж получится! Ты и не загадывай! Не давай себе сроку! Может, у вас там все с этим Лёней и сладится? Когда бабу мужик так сильно любит – это уже для бабы полсчастья... А оно все лучше, чем беда сердечная...

– А как на работу? Мне же в понедельник на работу!

– Ничего, обойдутся! Я от тебя заявление принесу, наплету им чего-нибудь... Да не думай об этом, Майка! Пойдем лучше вещи собирать. Чует мое сердце, и впрямь тебе уехать лучше. От греха подальше. Вон как тебя всю изнутри колошматит...

– ...Эй, мамуль! Ты что, не слышишь меня? Привет, говорю! – вздрогнула Майя от хриловато ломающегося, но все равно звонкого Темкиного голоса. Моргнула, повертела головой, потом уставилась на маму с тетей Зиной так, будто очень удивилась своему на этой кухне присутствию. Будто вытащили ее насильно из прошлого. Так бывает: возьмет человек и уплывет в свое прошлое далеко-далеко, и берега не видно. За стеной прожитых лет его и правда не видно. А стоит нырнуть в память – и промчатся мыслью скорые воспоминания – кажется, вновь все пережил. А на самом деле и пяти минут не прошло...

– Прости, Тем, я задумалась...

– Ничего себе, задумалась! Я уже минуту целую стою перед тобой, как истукан...

– Ой, да ладно! – смеясь, махнула на внука рукой мама Майи. – Уж и задуматься матери нельзя! Садись лучше, чаю с нами попей.

– Не, ба, не хочу, спасибо, – досадливо отмахнулся Темка, растянув в улыбке по-юношески пухлые губы. – Я просто зашел маме сказать, что эта звонила... Адвокатка...

– И что? Она для меня просила что-нибудь передать? – болезненно встрепенулась Майя.

– Ага. Просила ей перезвонить срочно, как придешь. Говорит, новости есть. Мне не стала ничего рассказывать. Тактичная такая, блин! Как будто я не понимаю, что речь об отцовских алиментах идет... Или не об отцовских? Или кто он мне? Во ситуация, да, мам? Отца нет, а алименты есть...

– Тема! Прекрати! Мы же договорились... – виноватым шепотом произнесла Майя, опустив глаза в чашку с чаем. – Он тебе все равно отец. Он всегда любил тебя и сейчас любит...

– Ага. Потому с тобой и судится.

– Тем, не потому! Я же объясняла тебе! Он тут ни при чем, это я, я во всем виновата!

– Ну, началась старая песня... – вздохнула мать Майи и тяжело поднялась с кухонной табуретки, опираясь руками о столешницу. Встав между дочерью и внуком, оттеснила Темку к двери, проговорила сердито: – Мал еще, постреленок, мать жизни учить! Сколько раз тебе говорено было: не надо при чужих сор из избы выносить!

– Это я, что ль, здесь чужая, Алечка? – обиженно пискнула у нее за спиной тетя Зина.

– Да нет, Зин, ты не чужая, сама же знаешь... – развернулась к подруге всем корпусом Алевтина Дубровкина. – Просто надо ж ему объяснить... А то взял моду – матери хамить...

– Да я не хамлю, ба! Ты чего? – покладисто протянул Темка, испуганно стрельнув в сторону матери карим глазом.

– Мам, не надо. Отстань от него. Он и в самом деле мне не хамит, – решительно встряла в этот диалог Майя. – И вообще, мы сами разберемся, ладно?

– Ну, сами так сами...

Вздыхнув, Алевтина снова развернулась на тяжелых отечных ногах к столу, принялась собирать с него грязные тарелки, тяжело сопя и пропуская воздух через жесткие астматические бронхи. Темка наклонился вперед упругим мальчишеским корпусом, потерся носом о ее плечо, что означало – ну не сердись, чего ты... Алевтина лишь слегка двинула плечом, старательно сдерживая улыбку. Не умели в семье Дубровкиных долго сердиться. Не научились как-то. Жизнь била-била, да все равно не научила.

Майя, подмигнув сыну, мотнула едва заметно головой – иди, мол, отсюда, от греха подальше. И в очередной раз залюбовалась своим белобрысым сокровищем – казалось ей, что юное мальчишеское обаяние так и перло из Темки наружу да прыгало с разбегу в ее материнскую душу, не спрашивая на то разрешения. Вот смотрела бы и смотрела на него целыми днями, глаз не отрывая. Ее сын, ее мальчик. Тонкий и гибкий, вытянутый в длину стебелек. Обаяшка с лицом юного мальчика Харатьяна...

Дина

Ксенька капризно выгнула спинку, уперев пухлую ладошку ей в подбородок, всхныкнула протяжно-страдальчески, забила в руках верткой ящеркой. Вот же поганка маленькая. И без того руки отваливаются таскать ее туда-сюда по комнате. Не уснет никак. И положить в кровать нельзя – такую истерику закатит, что мало не покажется. Что-то не припомнится, чтобы с Танькой такие муки были! У той ведь тоже и зубки резались, и живот болел, и всякие другие младенческие неприятности случались. Наверное, тогда все это легче переносилось, что ли? По молодости? Ночь не поспать – как раз плюнуть? Господи, хоть бы Димка поскорее пришел... Вот где он шляется, интересно? Девять часов уже!

Словно испугавшись ее сердитых мыслей, тут же зашуршал неуверенно ключ в замочной скважине, сухо звякнула английским замком дверь, закрываясь. Ну наконец-то. Заявился, кормилец хренов. Может, даже и навеселе. Если так – можно раздражение выплеснуть безнаказанно. Слишком уж много его на сегодняшний день накопилось, раздражения этого. Она одна тут с ребенком целый день, словом перекинуться не с кем. Не с Танькой же ей разговоры разговаривать! Ей, Таньке, чего: прибежала после школы, картошки налопалась – и по подружкам. Нет чтоб матери помочь. А недавно вообще заявила: «Скучная ты, мама. Не продвинутая. И разговоры у тебя скучные. Вот Майя Витальевна, – говорит, – подружка твоя – совсем другое дело. Она, – говорит, – у нас в школе факультатив ведет – весь класс на него валом валит! Основы журналистики называется. Я, – говорит, – после школы тоже на журналистику поступать поеду, тетя Майя меня подготовит...» Тоже, журналистка нашлась – Майка Дубровкина! Какая из нее журналистка? Ну, поработала немного в какой-то паршивой питерской газетенке – так когда это было... Уже четыре года с тех пор прошло... Да если бы не Лёнька – видали бы ее в той газете! Он же ей все эти душевные удовольствия устраивал! Вернее, не он, а деньги его...

– Дин, а Танька где? Ее что, до сих пор дома нет?

Дина, подхватив покрепче извивающееся Ксенькино тельце, повернулась всем корпусом к мужу, взглянула злобно ему в лицо. Черт, трезвый. Надо же. И не наедешь теперь на него. Ишь, сколько строгости в голосе – Таньку он потерял... А смотрит-то, смотрит на нее как! Будто она и не жена ему, а так, посторонняя тетка...

– Дин, Танька где, спрашиваю? Времени – десятый час!

– Не знаю. Придет, куда денется.

– Слушай, я тебя не понимаю... Вот живу с тобой пятнадцать лет и все никак понять не могу! Хотя бы к собственному ребенку интерес материнский у тебя должен проявиться? Нельзя же так жизнь прожить – оwoщем огородным! Ну ладно – учиться ты не захотела. Это понятно. Не всем дано. Работать тоже не хочешь – воспитание, говоришь, не позволяет. Ну а как мать? Ведь должна же ты была хоть в чем-то состояться, черт тебя подери!

– Слушай, – сжав губы, прошипела Дина, – ты чего на меня завелся с полуоборота? Пришел и завелся... Чем это я мать плохая? Мать как мать...

– Ага, мать... У тебя дочь раскраску наводит как путана в пятнадцать лет! Я недавно на улице ее увидел – меня чуть кондратий не хватил! Глаза-губы намалеваны так, будто прямым ходом на панель собралась...

– Ну и что? Я тоже в школе всю красилась! Не помнишь, что ли? Просто нас гоняли тогда за это, а сейчас им можно... И вообще, сейчас мода такая...

– Ой, да какая мода... Просто тебе глубоко плевать, что из нее вырастет. Не пришла вовремя домой – и ладно, и черт с ней...

– Слушай, кончай, а? Хватит наезжать! Лучше ребенка возьми, у меня уже руки отваливаются! Раз ты такой хороший отец, так и на, возьми, помучайся хоть часок!

С остервенением сунув в руки мужа заплакавшую Ксеньку, Дина плюхнулась в старое, неудобное и твердое кресло, сердито уставилась в телевизор. Красивая ведущая программы «Время» деловито вещала что-то с экрана, широко распахнув черные умные глаза. Дина ее не слушала. Не выплеснутое наружу раздражение давало о себе знать – колыхалось вязкой жижей где-то внутри, подступало к самому горлу, мutilо нервной тошнотой голову. Не выдержав, она резко повернулась к мужу, ласково воркующему на смешном языке с успокоившейся и даже чуть повизгивающей от удовольствия Ксенькой, проговорила тихо и язвительно:

– А позволь мне, плохой жене и плохой матери, овощу огородному, спросить: ты где был так долго?

– Работал, где... – ответил Димка.

– У тебя же до шести рабочий день! А время – десятый час! Опять по бабам шастал?

– Грубо, Дина, грубо... – чуть усмехнувшись, обидно и спокойно проговорил Димка. – И где ты этой пошлости карикатурной набираешься? Еще бы скалку в руки взяла...

– И возьму в другой раз! Так огрею, что глаза из орбит выскочат!

– Да уж... Видимо, правду говорят, что уровень жизни на воспитание не влияет... Откуда в тебе это, Дин? Ты же в нормальной вроде среде выросла! Откуда из тебя столько дерьма да пошлости лезет?

– Ну да, – язвительно проговорила Дина. – Зато ты у нас не пошлый. Ты просто бедный. И потому по бабам не шастаешь, да? Оно конечно, оно денег требует, это дело. А у тебя их сроду нету.

– Дин, вот про деньги не надо, ладно? А то заведешься опять и не остановишься.

– А чего мне заводиться? Мне и заводиться не надо! Я давно уже заведенная! А еще – голодная и злая!

– Ну да. Злая. Это уж точно. Это ты правильно сейчас сказала.

– А ты чего хочешь, чтобы я добрая была, что ли, при такой жизни?

– Да какой? Какой жизни? – раздраженно проговорил Дима. – Чего ты меня заводишь опять этой своей жизнью? Ты что, так уж плохо живешь? Да все сейчас так живут! Или ты в отличие от других милостыню в переходе просишь?

– Да лучше бы уж милостыню, чем так... – тихо и мстительно проговорила Дина, наблюдая за пробежавшей по мужнину лицу тенью ярости. Ишь, глазом как сверкнул. Кот камышовый. А ведь вывела она его таки из себя! Все правильно. Так ему и надо. Сам пришел неизвестно откуда, еще и обзывается... Хотя чего это – неизвестно? Все ей известно, между прочим. Только Димке знать вовсе об этом необязательно...

– Лучше, говоришь? – тихо переспросил Димка, едва сдерживаясь. – А ты ее просила, что ли, милостыню-то? У тебя что, опыт есть? Да ты и представить себе не можешь, какова она, настоящая бедность... Ты ее, настоящую-то, и не нюхала! Вот если бы пожила в ней, как другие жили...

– Другие – это кто?

– Да никто! Это я так, к слову.

– Ну-ну... Когда сам заработать не можешь, всегда лучше других в пример приводить...

– Да где, где я тебе заработаю?

– Другие же зарабатывают! – старательно сделала акцент на слове «другие» Дина. – Не хотят в бедности жить и зарабатывают!

– Ага! Вот идут и так себе просто зарабатывают! Нанимаются к богатому дяде, и он им платит по их потребностям! Чем больше потребностей, тем больше зарплата! Здорово! Вот где бы только дядю такого найти! Извини, я пока не нашел...

– Плохо ищешь.

– Ну да. Плохо, конечно. Плохо я ищу черную кошку в темной комнате. Тем более, если ее там отродясь не бывало. Богатый дядя добрым не бывает, Дин. Богатый дядя дураков любит, которые на него вкалывают за копейки и копейкам этим еще и радуются.

– А ты, значит, вкалывать не хочешь. И копейкам радоваться не хочешь.

– Да, не хочу.

– Ну что ж, знаем... Слышали ваши военные песни, не впервой... А может, ты и детей своих кормить больше не хочешь? У тебя, между прочим, их двое. Ты не забыл?

– Нет, не забыл.

– А ну, дай сюда ребенка! – неожиданно резво подскочила тут Дина. Даже сама удивилась этой своей прыти, будто вязкое раздражение внутри булькнуло фонтаном и подняло ее на ноги. – Не хочет он, видите ли, на дядю работать! Зачем женился тогда?

– Да дурак был...

Сунув Дине в руки вновь захныкавшую Ксеньку, он развернулся и быстро ушел на кухню. Сбежал, значит. Ну-ну. Неприятно, конечно, про себя правду слушать. Потому и хамит. Хотя по большому счету он прав, конечно. Она ж не дура, она понимает, что настоящие деньги зарплатой наемного работника не добудешь. Но только этот «большой счет» к Димке все равно никакого отношения не имеет. Потому что если б даже и свалился ему на голову вождеденный первоначальный капитал, о котором он так страстно мечтает, все равно бы ничего из него не вышло. Не сможет он свое дело раскрутить. Не хватит его на это. Порода мужицкая не та. Нет, он не дурак, конечно, но тут и не в уме особенное дело... Тут хватка нужна, особая жадная и наглая страсть нужна... Даже жалко его. Вот вбил себе в голову, идиот, эту мечту про первоначальный капитал – и носится теперь с ней, как дурень с писаной торбой...

Усмехнувшись, как ей показалось, по-женски мудро, Дина перекинула с руки на руку Ксеньку и проследовала за мужем на кухню.

Димка сидел за столом, сложив подбородок в ладони, изучал незатейливую лубочную картинку на стене. Цветочки в вазочке. Аккуратные красные розочки, развернутые старательно выписанными головками к зрителю. В ясных коричневых глазах его стояла ненависть. Сочная, звонко дрожащая ненависть. Лед в стакане с виски. Красиво, черт. Как там в песне поется? «Ты любила холодный, обжигающий виски»? Точно, любила. Это про нее. И сейчас любит. За эту вот звонкую ненависть и любит. Что ж, сиди, ненавидь. Все равно никуда не денешься. При мне будешь. Что с ненавистью, что без ненависти...

– Ты есть будешь? – проговорила Дина почти нежно. – Там картошка на плите. Жареная.

– Нет. Не хочу.

– Хм, странно... Уже покормили, что ли?

– Где это меня покормили? – перевел Димка глаза с картинки на стоящую в дверях кухни жену. – Что за странные выводы?

– Ну, я не знаю где... Там, наверное, где был весь вечер, там и покормили...

– Ладно, давай свою картошку. Лучше съесть, чем с тобой объясняться.

– Да ладно... Чего ты запсиховал опять? Я ж просто так спросила...

– Дин, ты никогда и ни о чем просто так не спрашиваешь. Просто так – это не для тебя. Мне вообще иногда кажется, что ты не живешь, а в какую-то игру играешь, для самой себя завлекательную. И что все мы для тебя – я, Танька, Ксенька – просто фишки в этой игре. Косточки для выбрасывания такие. Сегодня выбросила так, завтра по-другому... Мне иногда очень даже не по себе становится...

– Да ладно тебе, Димк... Не сочиняй. Какие фишки-косточки? Просто я устаю очень. Целый день дома одна, Ксенька капризничает... Танька опять же нервы треплет, помощи от нее не дождешься... Ой, Дим, я же вспомнила, куда она ушла! У них же сегодня вечер в школе! Как его... Осенний бал, вот! Ты помнишь, какой у нас в школе был всегда осенний бал? Третья пятница сентября... Помнишь?

– Помню...

– Ты еще танцевал с нами по очереди. Танец со мной, танец с Майкой... Кстати, она звонила сегодня. Спрашивала, что мне на день рождения подарить.

– А ты что, собираешься устраивать день рождения? Учти, у меня зарплата только после двадцать пятого будет...

– Да ничего я не собираюсь устраивать! Майка придет, посидим... Она, между прочим, всегда со своим «хлебом» приходит. И вино принесет, и закуску...

– А тебе как, не стыдно ее этот «хлеб» есть? День рождения-то у тебя все-таки!

– Ой, да ладно...

– Чего – ладно? Она, между прочим, тоже на одну зарплату учительскую живет.

– Кто? Майка? На зарплату? Да ты хоть знаешь, какие она от Гофмана алименты получает? Там, в этих алиментах, пять твоих зарплат заложено, между прочим! Если не десять!

– Да ничего она не получает! Он, как в Германию свою укатил, ни разу ей ничего не выплатил!

– А ты откуда знаешь?

– Да ничего я не знаю... Так, догадываюсь просто... И вообще... Давай свою картошку! Я и впрямь есть захотел.

– Сам возьми, раз захотел! Видишь, у меня ребенок на руках!

Ксенька, словно почувствовав материнское недовольство, закричала, вывернувшись упругим плотным тельцем, потянула руки к отцу. Потом захныкала требовательно, сжимая и разжимая пухлые ладошки.

– Ну что ты рычишь все время, Дин... – протянул руки к ребенку Дима. – Смотри, она уже боится тебя...

– Да никого она не боится! Просто спать хочет. Ты тут ужинай, я пойду ее уложу...

Резко развернувшись в дверях, она шагнула в узенький коридорчик, унося недовольную Ксеньку. Тоже сбежала, получается. От соблазна сбежала. Испугалась дальнейшего развития разговора. Вот всегда у них так! Как только про Майку речь заходит, сразу опасная недосказанность повисает в воздухе. Хотя и не сказать, чтобы она уж такая тяжелая была, эта недосказанность. Это как поход по тонкому льду. И страшно, и все равно пройти тянет. Нервы себе пощекотать...

А иногда, черт возьми, так хочется взять и расставить все по своим законным местам! Сорвать маски, обнажить правду. Получить удовольствие от разоблачения. Обхамить Димку, вывести Майку на чистую воду... Очень хочется. Однако нельзя. Интриги потому что не будет. Пусть Димка думает, что она ничегошеньки про их отношения не знает. И Майка тоже пусть так думает. Пусть она корежится, пусть плюхается в своей затянувшейся тоске-любви. Все равно своего никогда не получит. Фиг тебе, дорогая подруга. Что мое, то мое. И всегда моим будет. А ты крутись дальше, тоскуй да облизывайся. И делай вид, что дружишь. Другого-то тебе ничего не остается...

Ксенька зевнула наконец, выпустив из розового рта пустышку, хныкнула напоследок и задышала ровно. Если ее в кровати трясти, она быстро засыпает.

На цыпочках прокравшись по коридору, Дина осторожно заглянула в кухню. Димка сидел в той же позе, сложив подбородок в ладони, изучал картинку на стене. Так и не стал ужинать, значит. Ну-ну. Давай сиди, мечтай дальше. Слабак...

Майя

– Привет! Я не поздно? Мне Темка сейчас сказал, что ты просила перезвонить...

– Да нет, не поздно. Нормально. Ты же знаешь, я рано никогда не ложусь, – что-то торопливо прожевывая, проговорила Мстислава. – Хорошо, что позвонила. У меня для тебя очередные новости есть. Ты ж у меня клиентка особенная, никак мы с тобой не расстанемся. Пора уж и близкими подружками называться, наверное.

– Ну да... Сколько мы с тобой уже... дружим? Четыре года почти?

– Ага! Как только я частной практикой занялась, так и дружим! Спасибо твоему упорному мужику, никак он не успокоится. Представляешь, уже до Европейского суда дошел! Сначала, пока у него наше, российское гражданство было, он подал жалобу в Европейскую комиссию по правам человека, а потом, когда он гражданство сменил, эту жалобу в Европейский суд передали. Представляешь? Ужас что творит! Мне когда позвонили, я не поверила... Там, в этом суде, даже палата специальная создана для рассмотрения его дела. «Гофман против Российской Федерации» называется.

– Господи, Мстислава... И что? Что теперь будет?

– Да ничего не будет! Рассмотрение на пятнадцатое октября назначено.

– И... что? Тебе надо будет туда ехать?

– Да прям! Кто бы меня там ждал! Там, в Европейском суде, уполномоченный специальный есть от Российской Федерации. Тут дело уже не в тебе, как ты сама понимаешь, тут уже к нашему законодательству претензии предъявлены. Нет, каков оказался твой бывший мужек, а? Права его человеческие нарушены, видишь ли! Как будто убило от него с алиментов этих! Наследство от дядюшки получил хорошее, так и поделись, чего тебе стоит? Подумаешь, обманули его! Лишний раз только убеждаюсь, что все мужики – сволочи.

– Нет. Лёня не сволочь. Это я – дрянь, а он не сволочь...

– Ну, начались старые песни... Хватит, Майя! И никакая ты не дрянь! Ты обыкновенная женщина. Как все. Сотый раз тебе повторяю и еще повторять буду: чтобы выжить в этом мире, всем женщинам надо немного суками быть. А иначе сожрут. Раздавят. И скажи спасибо, что тебе наше законодательство такую удачную лазейку предоставило. Все решения наших судов четко основаны на законе, между прочим! Вроде и генетическая экспертиза не признала отцовства, а фишка такая, что все равно алименты плати! Бьюсь, бьюсь с тобой, никак ты своего счастья уразуметь не можешь!

– Ну почему – не могу? Как раз и могу. Давно уже уразумела. Я ж сама этот процесс алиментный затеяла, никто меня к тебе на веревке не тащил.

– Вот именно – не тащил! Я для тебя вон как расстаралась, а ты себя дрянью называешь! Даже и слышать неприятно... – обиженно протянула Мстислава на другом конце провода. – Тебе алименты в размере двух тысяч евро ежемесячно обеспечили, а ты все дрянь да дрянь! Ты чего это, клиентка бессовестная? Прямо слышать этого не могу! Ладно бы, мужик твой из алкоголиков неимущих был, тогда б я еще поняла. А так... Ты же вот-вот в счет невыплаченных за четыре года алиментных обязательств квартиру в Питере в собственность получишь! Я вчера звонила туда, там приставы уже арест наложили на его долю...

– Ага. Спасибо, Мстислава. Прости. Огромное тебе человеческое спасибо. Или не человеческое? Или сучье? А что? Раз мне надо научиться сукой быть, как ты говоришь, то и спасибо мое, выходит, тоже сучье...

– Посмотрите-ка, она еще и ёрничает! И это вместо законной ко мне благодарности! Вот скажи вообще: чего мне от него, от «спасибо» твоего? Какой такой на сегодняшний день навар? Ты не забыла, что я пока на тебя бесплатно работаю?

– Нет. Не забыла, конечно. Извини.

– Да ладно... А вообще, честно тебе признаюсь, я твое дело с большим азартом веду. Хотя, если уж совсем честной быть, все время удивляюсь: как это ты, вся из себя такая тихоня совестливо-страдающая, все это четыре года выдержала? Как это тебя угораздило на это вообще решиться?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.